

ЭТО было до войны. Молодой Литературный институт уже в те годы был похож на творческую мастерскую. Здесь писали, читали, спорили. Преимущество, разумеется, были у поэтов. Стихи воспринимались на слух лучше, чем проза и, уж конечно, чем критика. Но критики брали свое: тут же, в аудиториях и коридорах, они «укладывали на лопатки» поэтов. Это были годы, когда и студенты, и многие профессора только нащупывали свою дорогу в литературе и порой студенты по возрасту бывали старше своих преподавателей. Но и тем и другим было о чем писать. Здесь собрались люди, недавно еще работавшие на заводах, фабриках, стройках. Они знали свое поколение, радость труда, цену хлеба.

Он читал стихи просто, не нараспев, как другие, и слова казались удивительными, потому что произносил он их слегка картавя. Он был высок, пышноволок, общителен, порой упрям и всегда с доброй, мягкой улыбкой. Стихи его слушали. Они бывали разными — и серьезными, и шуточными, но чаще героическими. В этот раз он читал что-то назидательное.

— Не загораживать стеной кабины шофера. Дверь открывает шофер на основной остановке.

Гекзаметр? Леонид Иванович Тимофеев выгнал бы за это из аудитории. Это была шутка. Но в каждой шутке есть своя правда. Правда заключалась в том, что Симонов учился видеть. Это очень интересное умение: два человека изо дня в день ездят по одному маршруту, встречают одних и тех же людей, слышат их разговоры, и для одного все остается незаметной будничностью, другой находит в этом смысл, который может стать стихами, хотя и шуточными. Так открываются поэт и не поэт.

Уже в те студенческие годы довольно точно определились литературные пристрастия Симонова. Он искал в людях сильное, верное, возвышающее душу. Поэмы «Ледовое побоище» (1937 г.) и «Суворова» (1938—1939 гг.) — начало биографии того симоновского героя, который под разными именами, в различных жизненных ситуациях пройдет затем, взрослея и наполняясь новым жизненным содержанием, через все его творчество.

СИМОНОВ — в большом поиске, и в каждом его стихотворении крупница того чрезвычайно сложного и многообъемного характера, который складывался на Руси веками и стал в конце концов русским, советским характером. Отсюда стремление охватить события, разделенные временем и пространством, и особый интерес к человеку в шинели, к тому человеку, который, будучи поставлен в особо трудные условия, раскрывается в своих делах и взглядах наиболее полно. Поэмы о Суворове, о Николае Островском, героях Халхин-Гола, о строителе Беломорско-Балтийского канала и о Ледовом побоище. И в каждой из них пристальное внимание к тем чертам характера, из которых складывается образ человека цельного, гуманного и вместе с тем героического. Иногда, как в «Ледовом побоище», прошлое было утверждением настоящего, подвиги повторялись.

Вот как выглядел симоновский герой тех лет:

Один из мертвых поднялся,
Как видно, кровь еще не вся
По капле вытекла из тела.
Жара палила, рана жгла,
И глотка, высохнув дотла,
Воды отчаянно хотела.

Пусть разворочен весь живот,
Кто хочет пить — еще живет,
Ползи. Пусть пули бьют вдогонку.
Ползи! На ребрах, на руках!
Ползи! И видеть в двух шагах
Водопроводную колонку.

Но он дополз и на рычаг
Налег, от боли зарычал...
Вода не шла. Уже немая,
Нажал он раз, и два, и три,
Вода застряла там внутри,
Как будто литься не умел.

Тогда, привстав перед концом,
Поворотясь к врагам лицом
И облизав ладонь пустую,
Он крикнул: «Чертова жара,
Я дышаю, но... Ура! —
Водопроводчики бастуют!»

Таков лирический герой стихотворения «Рассказ о глотке воды». Он коммунист, борец, умеющий преодолевать во имя революции самые невероятные трудности, человек, для которого вначале — водопроводчики бастуют, потом — собственная гибель. Но, пожалуй, наиболее четко и полно выразились стремления Симонова-поэта той поры в стихах:

Всю жизнь любил он рисовать войну.
Беззвездной ночью наскочив на мну,
Он вместе с кораблем пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину.
Всю жизнь лечатся люди шли к нему,
Всю жизнь на смерть преследовал жестоко

И умер, сам привив себе чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдышаться под старость от работы...

Откуда же у совсем юного человека и юного поэта была такая ясность пути своего современника? Вероятно, это было воспитано в нем всей жизнью и в первую очередь тем, что активно познавать жизнь он начал раньше, чем написал свое первое стихотворение. Необходимость писать родилась в нем потому, что широко открытые сердце и глаза вобрали важное, о чем нельзя было не рассказать.

КОНСТАНТИН Симонов родился в Ленинграде в 1915 году. Детство и юность провел в Рязани и Саратове, воспитываясь в семье командира Красной Армии. В 1930 году он

нем сильным, волевым, обаятельным, Танкист Сергей Луконин был действительно парнем из нашего города, вне зависимости от того, как назывался этот город: Москва, Хабаровск, Рязань или Севастополь. Он был советским парнем тридцатых годов, ровесником автора. И вот что интересно: в нем, в этом решительном, смелом, целеустремленном, твердо знавшем, как идти по своей дороге парне, мы увидели завидное сходство с самим Симоновым. Оба они были молоды, у обоих за плечами было лето 1939 года у Халхин-Гола, у обоих, и это самое важное, определяющим в характере, а следовательно, и судьбе была верность избранной цели, упрямое достижение ее. Многие из литинститутовцев уже нащупали к тому времени свой путь. Они знали, куда идти, но немногие так убежденно и твердо, как Сергей Луконин и его создатель Константин Симонов, знали, как идти. Словом, в антрактах, когда взволнованный Симонов спрашивал: «Ребята, как?» — он нам виделся уже поставившим ногу на свой танк. И мы ждали: вот сейчас он сядет в машину и поведет свой танк по дороге века, по дороге своего поколения. Мы знали уже: это будет естественно, ибо иначе не может быть. Ровесники Сергей Луконин и Константин Симонов всем своим существом были преданы высоким принципам коммунизма, и они не могли не отдать народу, партии свои способности, свое дарование.

И буквально уже через несколько дней — ибо «Парень из нашего города» пошел на московской сцене перед самой войной — Симонов действительно «повел свой танк».

1942 ГОД. Над тульской и орловской землей в то лето стояло голубоватое марево, и в нем плескались разноцветные отсветы заросших травами и цветами напаканных земель. Мы шли ходами сооб-

ГАЛИНА ДРОБОТ СОВРЕМЕННОМИК СВОЕГО ГЕРОЯ

окончил семь классов трудовой школы, затем ФЗУ и стал токарем по металлу. Завод в Саратове, завод в Москве, первые стихи в сборнике «Смотр сил» (1934 г.). Нравственное становление поэта совпало с годами второй пятiletки, когда вся наша страна жила в невероятном тепле, очень точно определенном Валентином Катаевым — «Время, вперед!». Да, мчалось время вперед, и каждый жил в счет завтрашнего и послезавтрашнего дня. Народ строил социализм. Люди проявляли подлинный героизм. Но становилось все яснее: близок день, когда придется смелить молоток на винтовку и вместо трудовых подвигов совершать боевые. Поэт Симонов тоже жил в общем напряженном темпе, торопясь рассказать о трудовом героизме и о готовности сверстников к боевому подвигу.

В его стихах того времени обязательно действовал человек напряженного труда, сконцентрированной воли. И все же порой этим стихам не хватало той жизненной достоверности, которая может быть только результатом собственного опыта. Вот почему, как только разразились события на Халхин-Голе, Константин Симонов бросил занятия в аспирантуре и уехал в Монголию. Здесь, на полях первых в его жизни боевых сражений, сотрудник армейской газеты «Героическая красноармейская» К. Симонов познавал своего героя в новом, боевом качестве, как когда-то на заводе познавал его в качестве трудового. И все это не издала, не наблюдая, но делая с ним одно трудное дело, делая с ним одну трудную судьбу. И, естественно, теперь его герои в шинелях обрели новое наполнение, ту жизненную достоверность поступков и чувств, которой раньше не хватало. Появились «Стихи 1939 года», поэма «Далеко на Востоке...», «Монгольская тетрадь», пьесы «История одной любви» и «Парень из нашего города».

«Парня из нашего города» играли в театре им. Ленинского комсомола.

Мы, литинститутовцы, смотрели ее пять или шесть раз подряд, с разных, так сказать, точек зрения. Нет, совсем не потому, что она была лучшей из его пьес. Позже, уже во время войны, им были написаны «Русские люди» — пьеса, на мой взгляд, лучшая из всех драматургических произведений Симонова.

Но тогда мы познакомились с пар-

щения, отрытыми в полный профиль, извивавшимися и терявшимися далеко в поле. Над высокими земляными стенами колыхалась выжженная трава, под ногами шуршали мыши-полевки. Мы шли в боевое охранение. На тот самый последний, самый выдвинутый вперед, к врагу, клочок земли, который безоговорочно наш. Стояла полуденная тишина долговременной обороны, когда отдыхали и наши, и вражеские солдаты. И вдруг у последнего поворота к боевому охранению мы услышали ломкий, еще не мужской, но уже и не детский голос:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.

Мы остановились. В голосе были и тоска, и надежда, и вера, и что-то еще очень сложное, сразу не разгаданное нами.

Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Солдату было лет восемнадцать, может, девятнадцать. Из-под выгоревшей пилотки торчали выцветшие волосы, на носу даже через загар проступали веснушки. Он был тонок, голубоглаз и чист. И, вероятно, в его жизни еще не пришла любовь, и дома его ждала мать, а не та, единственная, о которой писал Симонов. Но так хотелось, чтобы она была, и стихотворение «Жди меня» своей бесхитростью, чистотой, глубиной душевной болью и верой, подслушанными в окопе, стало именно тем, которое больше всего было необходимо солдату на клочке родной земли, среди тоже родной, но временно ставшей ничейной.

— Вы знаете Симонова? — спросил нас солдат, и когда оказалось, что знаем, он пожал нам руки. Пусть отраженно, пусть он видел за нами другого, близкого ему, но он отдал нам верную солдатскую любовь.

Где же подслушал и подсмотрел все это Симонов? Дело как раз в том, что Симонов никогда: ни на Халхин-Голе, ни теперь, на полях Великой Отечественной войны, не был наблюдателем. Все, о чем он писал, было пережито сердцем, выстрадано душой, перечувствовано натруженными ногами и глаза-

ми. Симонов — современник своего героя, день за днем живущий вместе с ним и день за днем, как в дневнике, пишущий самое главное в их общей жизни. Вот пример, когда жизнь немедленно преломляется в художественном произведении и дает возможность писателю понимать не только то, что видно сейчас, но и предвидеть будущее. «А война еще только начинается», — говорит Сергей Луконин, отправляясь на последний штурм вражеской японской позиции. И эту же мысль затем выскажет «Товарищи по оружию».

Фронтальной корреспондент газеты «Красная звезда», Симонов писал действительно день страны. Очерки в газету, всегда боевые, зоркие, оперативные, пьесы «Русские люди», «Так и будет», «Рассказ о рассказах», повесть «Дни и ночи» и стихи, стихи, стихи. В это время он много писал о любви. Это была естественная потребность солдата в душевном тепле, в сильном и чистом чувстве. Стихи о любви составили целый цикл «С тобой и без тебя». Но, пожалуй, наиболее значительными в трудной лепке образа своего современника сороковых годов были стихи военные. В каждое из них поэт бросал тот мазок, который понадобится ему потом, в будущем, когда он приступит вплотную к лепке монументальной фигуры человека, рожденного революцией, растущего со страной, строящего коммунизм.

По оперативности изображения людей и событий это были лирические репортажи. И недаром на многих из них посвящения: «Младшему командиру Ф. Ситниченко», «Памяти наводчика Сергея Полякова», «Посвящается истребителю Николаю Терехину». В стихах этих почти отсутствуют метафоры, эпитеты редки и не броски. В них нет и стремления к новой форме, и иные поэты, отчаянные стилисты, могли бы победоносно тряхнуть кудрями. Но любой поэт мог бы позавидовать точности этих стихов. В них выверено все, выверено сердцем, умом, рукой и глазом: и калибр оружия, и затаенность вдоха перед нажатием курка, и дистанция попадания, и замирение сердца в момент сигнала «в атаку», и ощущение первого рывка, и злость штыка, и поворот танка, и тоска окопа, и собранность тарана, и шаг навстречу смертельной амбразуре. И в каждом из них живет и действует единственный, выношенный, симоновский герой — волевой, целеустремленный, сильный, отважный по самой своей сути. Как принято именовать его в критике и литературоведении — положительный герой. Да, он положительный, потому что таков его живой прототип, такова сама героическая наша страна, в которой он живет, героическое наше время.

ПОЭТ-СОЛДАТ, и это не важно, что в звании офицера, поднялся в те годы до глубокого понимания Родины. Его стихотворение «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» — широкое и до боли полное ощущение России, своего слияния с ней, с ее судьбой. Именно то раскрытие понятия Родина, которым жил каждый советский человек, поднявшийся на защиту своей земли.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская

женщина

По-русски три раза меня обняла.

Так раскрылся тот советский, русский характер, отдельные черты которого поэт нащупал еще в ранних своих стихах институтской поры. Характер этот немалым вне России, он органически русский, сложившийся веками. И именно поэтому в годину самой суровой войны,

Всем миром сойдясь, наши прадеды
молятся
За в боях не верящих внуков своих.

А внуки — советские солдаты — верны заветам прадедов:

Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.

Он горд оттого, что старуха в избе под Борисовом, провожая на бой, сказала: «Покуда идите, мы вас подождем», и оттого, что наладил его в не легкую дорогу «весь в белом, как на смерть одетый, старик». И потому, что это было так:

На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

И поэт Симонов чуть смущенно, потому что кто же иначе раскрывает самое сокровенное в себе, впрочем, удивительно точно совпадающее с самым сокровенным всего народа, признается другу Алеше:

Ты знаешь, наверное, — все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Таков сыновний, гражданский пафос солдата, поэта, коммуниста Симонова.

С еще большей убедительностью и обаянием раскрываются черты национального характера в лучшей пьесе Симонова «Русские люди». И дело не в той лирической истории, которая лежит в основе пьесы, хотя и она сама по себе знаменательна. Дело в удивительно рельефном, выразительном рисунке образов людей. И командир автобата Сафонов, и его мать Марфа Петровна, и старый русский офицер Васин, и шофер Валя, и военфельдшер Глоба несут в себе высшие нравственные достоинства советского человека. В отличие от некоторых других пьес Симонова, в «Русских людях» каждый человек живой, со своей особенной, со своим душевным складом. И найденная еще в юности, самая характерная для симоновского человека черта — героизм — здесь проявляется с естественной и новой силой. Военфельдшер Глоба, ставший разведчиком, — это те же Луконин и Сабуров, только в ином человеческом облики.

ПЬЕСУ «Так и будет» мы смотрели в том же театре им. Ленинского комсомола уже почти перед окончанием войны. Смотрели тоже несколько раз, все дни, пока были в краткосрочном отпуске в Москве. Не все, разумеется, нас устраивало в этой пьесе. В ней жили только хорошие люди. А мы уже знали на собственном опыте, что не так все просто в жизни. И все же смотрели ее. Почему?

Близилась победа, и, как всегда перед финишем, хочется знать, что и как будет за белой ленточкой. А солдат не просто хотел знать — солдат хотел мира, мирного труда, тепла, любви. Симонов писал опять о самом главном (удивительная и радостная способность выделять главное), о том, как вернуться победителя домой. И мы смотрели и волновались, когда Иванов, глядя на Савельева, говорил: «Что штатское? Ему все идет. А главное — ему счастливым быть идет! Счастливым быть идет тебе, Митя».

А потом мы встретились у Симонова дома. Дело в том, что наша дивизионная газета «За Родину» систематически печатала литературную страничку и среди авторов ее обнаружили три способных человека. Их стихи я и привезла Симонову с просьбой помочь опубликовать в «Красной звезде».

Симонов жил на Беговой, в резном доме со странной планировкой. Мы не виделись много лет, и кто знает... Мне навстречу вышел человек в гимнастерке, такой же солдат, какими были в ту пору мы все, и отношения сразу стали дружескими. Стихи он читал жадно, время от времени спрашивал:

— Значит, артиллерист? Освободил Сорочинцы и Миргород?... Гоголь с советским солдатом за руку... Хорошо.

Он радовался непосредственно. Правил размашисто и смело. Имел на это право: доводил до точности то, что знал. И стихи появились в «Красной звезде».

Потом мне много раз в жизни приходилось убеждаться в заинтересованности Симонова людьми способными. Сколько молодых поэтов и прозаиков могут считать его своим литературным отцом!

А тогда, в 1945 году, когда встречали на вокзалах первые эшелоны демобилизованных и счастье было полным, а угроза новой войны казалась нелепостью, писатель Симонов уже вновь чуть заглянул в будущее. Его новая пьеса называлась «Под каштанами Праги». Той самой Праги, которая для многих воинов была понятием не отвлеченным. И здесь праздник освобождения, но притаился гестаповский палач Гофман-Грубек, враг, только временно ушедший в подполье. Борьба продолжается. И все это написано в 1945 году, в том самом году победы и счастья. Это было ново и многое ставило на свои места, хотя, пожалуй, служило еще только заявкой.

По-настоящему тема послевоенной расстановки сил в мире была поставлена Симоновым в пьесе «Русский вопрос». Это уже не частность, не просто показ нравов буржуазной прессы в США, для которой и мораль, и честь — бизнес. Вопрос стоял глубже. Герой пьесы американский журналист Смит определил его так: «...«русский вопрос» давно перестал быть только русским вопросом. Это пробный камень, на котором во всем мире сейчас проверяют честь и честность людей». Итак, отношение к СССР — лакмус, который дает самые точные показания нравственной ценности человека и нравственной ценности общества. И все это выписано точно, со знанием людей, обстановки, расстановки сил.

В ТАКОМ небольшом очерке, как этот, нет возможности даже просто перечислить все написанное Константином Симоновым за тридцать

лет его работы в литературе, а в этом году у него и в самом деле тридцатилетний писательский юбилей. Можно было бы рассказать и о его общественной деятельности, и о поездках в Чехословакию, Канаду, Францию, США, Англию и Италию, но Симонов прежде всего писатель, и потому эта сторона его деятельности, естественно, волнует больше всего.

Роман «Товарищи по оружию» появился в 1952 году, «Живые и мертвые» — в 1959 году, «Солдатами не рождаются» еще печатается в журнале «Знамя».

Не зная, трилогия ли это или Симонов поведет своих героев дальше. Дорого другое: в этих трех романах живут люди симоновского поколения, наши современники. Мы знакомимся с ними в пору их юности, мы проходим с ними долгий и нелегкий жизненный путь, на котором они мужают, становятся бойцами. Это эпопея о человеке, рожденном революцией, о человеке, история и характер которого суть история и характер страны. И, я в этом уверена, в будущем по этим книгам наши внуки и правнуки будут изучать историю Страны Советов, жизни и дел ровесников революции. Именно в этих романах симоновский человек — цельный, волевой, смелый, целеустремленный, человек-герой — получил свое наиболее полное выражение. Такое выражение, когда можно уже сказать — симоновский человек, симоновский герой. Каждый характер здесь — процесс, процесс сложный и интересный, начавший складываться еще в студенческую пору и в пору «Монгольской тетради». Будь то Артемьев, Климович, Польнин, Козырев, Серпилин, Синцов, Кузьмич, Ватюк, Тania или Маша — все они в протяженности времени и событий раскрываются в большом и глубоком понятии — советский характер.

Три романа, и каждый следующий написан с нарастающим писательским мастерством и глубиной познания человека.

В «Товарищах по оружию» — книге во многом еще журналистской, характеры героев только намечались. В «Живых и мертвых», опаленные кровью войны, характеры эти отлились в индивидуальную форму. В романе «Солдатами не рождаются» как бы родился новый писатель. Журналист вырос в тонкого психолога, ибо только очень знающий человека и тонко и точно умеющий рисовать его писатель мог создать полные подлинного драматизма сцены смерти жены Серпилина, встречи и расставания Тани с матерью, освобождения лагеря русских пленных. В новом романе Симонов выступает уже как большой, зрелый художник, так же как и его герои выступают большими, зрелыми людьми, умеющими соединять мужество с ясностью цели, которой они служат с пониманием задач ближних и исторической перспективы, с постоянным и обязательным соизмерением своих дел с делами страны.

ЕСТЬ у нас такое понятие — «военно-патриотическая литература». Герон Константинына Симонова — в большинстве своем люди в шинелях.

Но, мне кажется, что все три последних романа далеко выходят за рамки этого понятия. «Товарищи по оружию», «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» — это романы не только военные. Они и политические, и семейные, и бытовые, и историко-революционные, и о патриотизме людей, вовсе не имеющих отношения к армии, ибо кадровый офицер, «академик» Артемьев живет теми же заботами, что и бывший районный журналист Синцов, а чаяния Тани не оторвать от тревог и боли ее матери на ташкентском заводе. Эти романы — эпопея о советском человеке, ровеснике Октября, о его нелегком, но бесконечно радостном пути к тому светлomu, ради чего дрались на баррикадах и умирали коммунисты первого поколения, отцы этих людей, ради чего они сами живут на земле. Можно и нужно, конечно, говорить о том, что в этих романах бесспорно и над чем К. Симонову еще следует работать. И, безусловно, критики это сделают в специальных статьях. Дорого, однако, что писатель сумел воссоздать свое героическое время, то время, в которое мы родились и живем, и воссоздал его правдиво, в трудах и боли, в свершениях и радостях, во всей своей чистоте, героизме, нравственной мудрости и бесконечной вере в торжество коммунизма. Симоновский герой — это не потерянный человек и не искалеченный душой, каким порой пытаются изображать это поколение, вспоминая минувшее. Симоновский человек — светлый. Он герой, человек коммунистической истории.